

Д. С. Гречко

О происхождении столбовых гробниц Лесостепи скифского времени

ажным элементом погребального обряда населения Лесостепи VII—IV вв. до н. э. являлось создание деревянных гробниц, часто столбовой конструкции. Среди исследователей нет единого мнения о происхождении подобных сооружений скифского времени. Целью данной работы является попытка уточнения истории развития данной традиции в Северном Причерноморье. Детальное рассмотрение эволюции конкретных типов погребальных сооружений скифского времени будет являться темой отдельной работы.

***

Изучение погребального обряда населения юга Восточной Европы скифского времени уже более ста лет привлекает внимание исследователей. А. А. Спицын указывал, что большие ямы в скифских курганах появляются в сложившемся виде и не имеют местных истоков [1, с. 94–95, 102]. М. И. Ростовцев считал, что скифская культура появилась на Киевщине и Полтавщине в готовом виде. Для могил срубной конструкции исследователь не исключал местного происхождения, но указывал, что данными о местных типах жилищ того времени он не располагал [2, с. 332–333, 468, 482, 526].

В. А. Ильинская считала, что существенные изменения в данной сфере, по сравнению с чернолесским временем, связаны с влиянием из кочевой степи, где на срубной основе сформировалась традиция создания деревянных гробниц [3, с. 92–94]. Исследовательница предполагала, что в Днепровском Правобережье распространился «скифо-сибирский обряд захоронения в курганах с сооружением на подкурганной поверхности или в ямах деревянных склепов с дромосами» [4, с. 365].

В. С. Ольховский значительное внимание уделил ямам с угловыми ямками, установив, что они появляются в Причерноморье в срубное время и доживают до IV в. до н. э. Происхождением они, по мнению В. С. Ольховского, связаны с полуземлянками с двускатной или конической крышей. Было указано на то, что погребения скифского времени имеют близкие аналогии среди погребений поздней бронзы и киммерийского времени, поэтому ученый предостерегал от недооценки роли автохтонного (белозерского) компонента в сложении скифской культуры [5, с. 95–96]. В. С. Ольховский считал, что привнесенная скифами традиция сооружения деревянных гробниц, взаимодействуя с подобной местной, широко распространилась [6, с. 43].

В. Ю. Мурзин наглядно показал, что основные черты раннескифского погребального обряда имеют близкие аналогии среди белозерских и предскифских комплексов. Данное сходство традиций объясняется тем, что в предскифском и скифском обрядах имелись черты, присущие всем ираноязычным кочевникам раннескифского времени [7, с. 58, 62]. В. Ю. Мурзин указывает на то, что сооружение деревянных гробниц в Лесостепи является результатом влияния Степи, начиная с предскифского времени,

и усилившегося в раннескифский период. В целом, раннескифский погребальный обряд признается смешением собственно скифского, привнесенного, и близкого ему обряда местного доскифского населения [7, с. 63, 65]. Близких взглядов придерживается и С. С. Бессонова [8, с. 26, 35].

С. А. Скорый реконструировал процесс проникновения иранцев в Лесостепь, начиная со срубного времени [9, с. 40–41]. Ученый связывает широкое распространение деревянных гробниц в Лесостепи с взаимодействием общеевразийской и местной, лесостепной традиций [10, с. 51]. А. П. Медведев справедливо отмечает, что столбовые гробницы не имеют местных корней на Среднем Дону, а связаны со Средним Поднепровьем [11, с. 97]. Их широкое распространение исследователь объясняет проникновением в регион скифского этнического компонента. Предполагается, что на привнесенную ираноязычными кочевниками основу наложилась местная традиция, связанная с развитым деревянным домостроительством [5, с. 88; 12, 80].

Е. И. Савченко отмечал широкое распространение деревянных погребальных сооружений и предполагал связь с общеиранской этнокультурной традицией, которая восходит к эпохе бронзы [13, с. 126].

Подводя некоторые итоги изучения гробниц столбовой конструкции скифского времени, можно отметить, что исследователи связывают появление данной традиции, которая имеет истоки в иранской этнической среде мира срубных племен эпохи поздней бронзы, с приходом нового населения (скифов). При этом большинство ученых отмечает как близость сооружений предшествующим белозерским, так и влияние местной домостроительной традиции населения Лесостепи. Итог краткому обзору мнений о происхождении гробниц в ямах с угловыми столбами можно завершить словами В. С. Ольховского: «Где находятся истинные истоки подобной традиции, пока неясно» [5, с. 95–96].

Эволюция столбовых гробниц степей Северного Причерноморья (эпоха бронзы-предскифское время)

Столбовые гробницы известны с эпохи ранней бронзы. Параллельно возникает традиция помещения транспортных средств в курганы [14; 15]. Яма с четырьмя угловыми ямками известна в Усатовском кургане I–12 [16, с. 106–107]. Достаточно широко данный тип сооружений известен среди погребений ямной культуры [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24]. Сооружения в основном представляют собой прямоугольные в плане ямы с продольным деревянным перекрытием и ямками от столбиков (рис. 1: 2–3), которые не связаны с перекрытием¹ [16, с. 106–107]. Часть погребений с ямками по периметру могилы связана с захоронениями с разобранными повозками, которые помещены в могилу (рис. 1, 4–6; 2: 3, 5, 6) [17, с. 79–81]. В целом, стоит отметить, что функциональное назначение столбиков в большинстве ямных захоронениях иное, чем в позднем бронзовом веке.

В эпоху средней бронзы традиция сооружения столбовых гробниц не прослеживается, хотя захоронения с повозками и их деталями у племен катакомбной культуры продолжают (рис. 2: 7) [14, с. 12–20]. И. Ф. Ковалева считает, что найденные в камерах деревянные носилки, рамы, ложа и другие остатки дерева могут являться съемными кузовами погребальных повозок [25, с. 103]. Р. А. Литвиненко предполагает, что деревянные рамы в погребениях культуры многоваликовой керамики можно связывать не с «домами мертвых», а с имитацией транспортных средств [26, с. 62].

На Среднем Дону уникальным является погребение в к. 1 Ширяевского могильника (рис. 4: 1) [27, с. 152–153], которое, по справедливому уточнению В. В. Отрощенко,

¹ Лишь в некоторых ямных погребениях массивные столбы использовались для поддержания перекрытия (рис. 1: 1; 2: 1–2) [21, с. 80, 117].

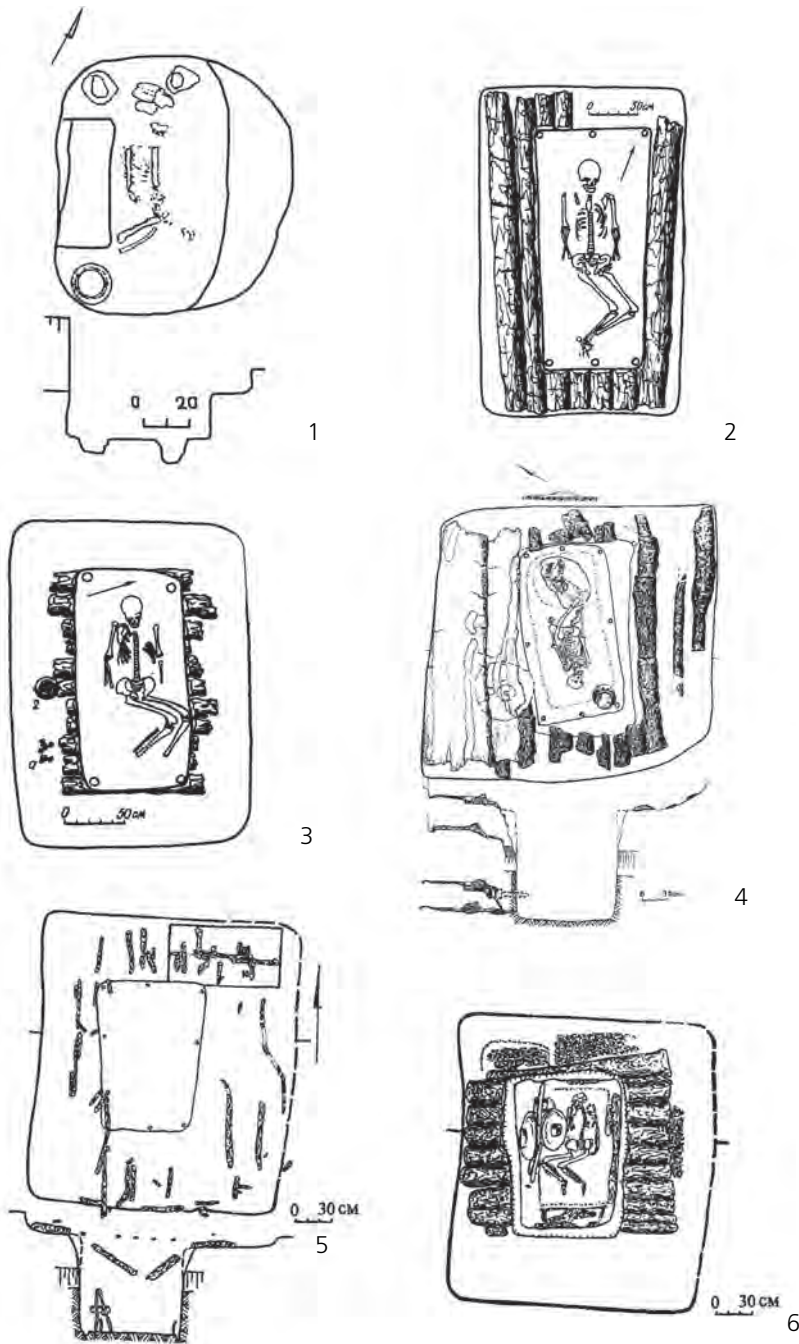

Рис. 1. Погребения со столбовыми ямками ямной культуры:

1 – Новокаиры, к. 1, п. 4; 2 – Вишневоє, к. 17, п. 38; 3 – Вишневоє, к. 17, п. 4; 4 – Кировоград, п. 20; 5–6 – Кировоград, п. 5 [по: 17; 19; 20]

Fig. 1. Burial pits with pillars of the pit grave culture:

1 – Novokairy, t. 1, g. 4; 2 – Vishnevoe, t. 17, g. 38; 3 – Vishnevoe, t. 17, g. 4; 4 – Kirovograd, g. 20; 5–6 – Kirovograd, g. 5. [after: 17, 19, 20]

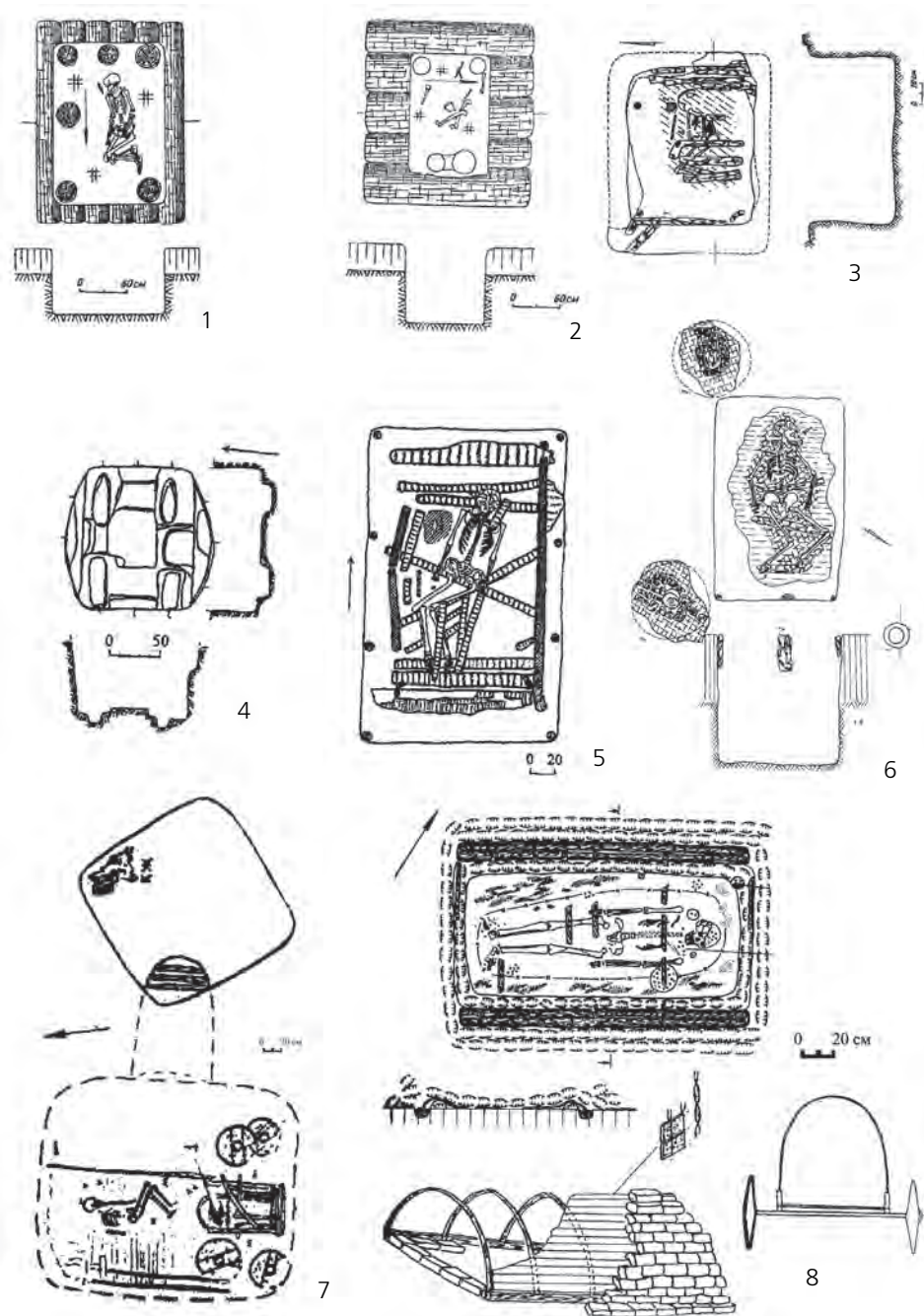

Рис. 2. Погребения со столбовыми ямками ямной культуры:

1 – Каушаны, к. 1, п. 10; 2 – Урсовая, к. 3, п. 5; 3 – Балковский курган, п. 20; 4 – Раздольное, к. 1 п. 25; 5 – Широкое, к. 3, п. 14; 6 – Балковский курган, п. 57; 7 – Боровковка, к.1, п. 17; 8 – Новоалександровский курган, п. 16 [по: 18; 21; 22; 23; 24; 25]

Fig. 2. Burial pits with pillars of the pit grave culture:

1 – Causeni, t. 1, g. 10; 2 – Ursoaya, t. 3, g. 5; 3 – Bulkowski mound, g. 20; 4 – Razdolnoye, t. 1, g. 25; 5 – Shirokoe, t.3, g.14; 6 – Bulkowski mound, g. 57; 7 – Borovkovka, t.1, g. 17; 8 – Novoaleksandroviski mound, g. 16 [after: 18; 21; 22; 23; 24; 25]

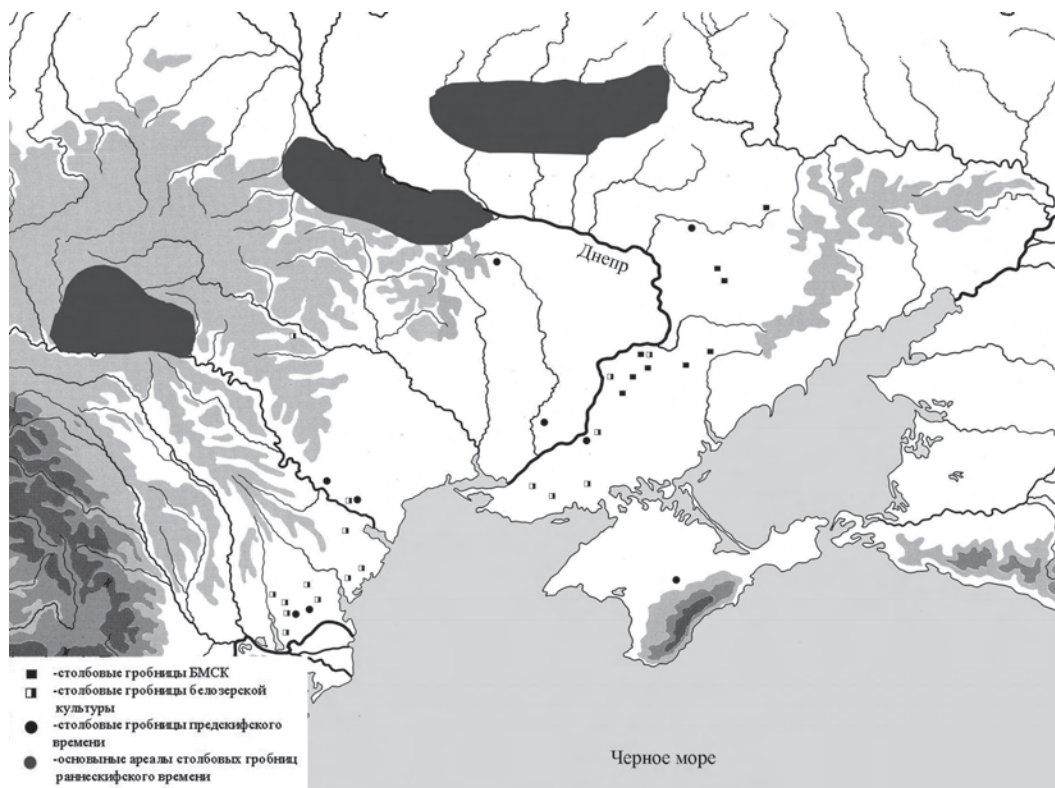

Рис. 3. Столбовые гробницы юга Восточной Европы (эпоха бронзы – раннескифское время)

Fig. 3. Pillar Tombs of the south of the Eastern Europe (the Bronze Age – Early Scythian time)

не относится к ямной культуре, а может быть датировано началом эпохи поздней бронзы [28, с. 66]. К близкому времени относится серия погребений в могилах столбовой конструкции Синташтинского могильника (С II) (рис. 4: 2–3) [29, с. 297, рис. 167].

Традиция сооружения столбовых гробниц, появляясь еще на первом этапе¹ развития бережно-маевской срубной культуры (далее БМСК) [31; 32, с. 84, 86], распространяется в среде срубного населения Нижнего Поднепровья (южнее р. Орель) на втором этапе ее развития около XIV в. до н. э. (рис. 3; 4: 4–10). Регион распространения сравнительно небольшой между Самарой и Большой Белозеркой в степном Поднепровье. Известно более 15 погребений в 11 могильниках [33, с. 108, 282, рис. 57; 34, с. 5–19]. Нельзя исключать привнесение данной традиции в начале позднего бронзового века с востока, хотя участие синташтинского элемента (через покровскую срубную культуру) было минимальным при формировании культурного комплекса БМСК [30, с. 67–68, 78–79, 125]. Носители срубной культуры не оставляли целые повозки на месте захоронения, но изображения на керамике свидетельствуют о важной роли транспортных средств и дороги в идеологии срубных племен. В. В. Отрощенко предполагает, что иногда «в качестве символической повозки воспринималось погребальное сооружение в целом» [35, с. 8–9].

БМСК и сабатиновская культура выступили субстратами в формировании белозерской культуры [30, с. 178–179]. Погребения в могилах с ямами в дне (тип 4 по В. П. Ванчугу) широко распространяются и известны практически во всех крупных

¹ Периодизация и хронология развития БМСК приводится по В. В. Отрощенко [30, с. 113–194].

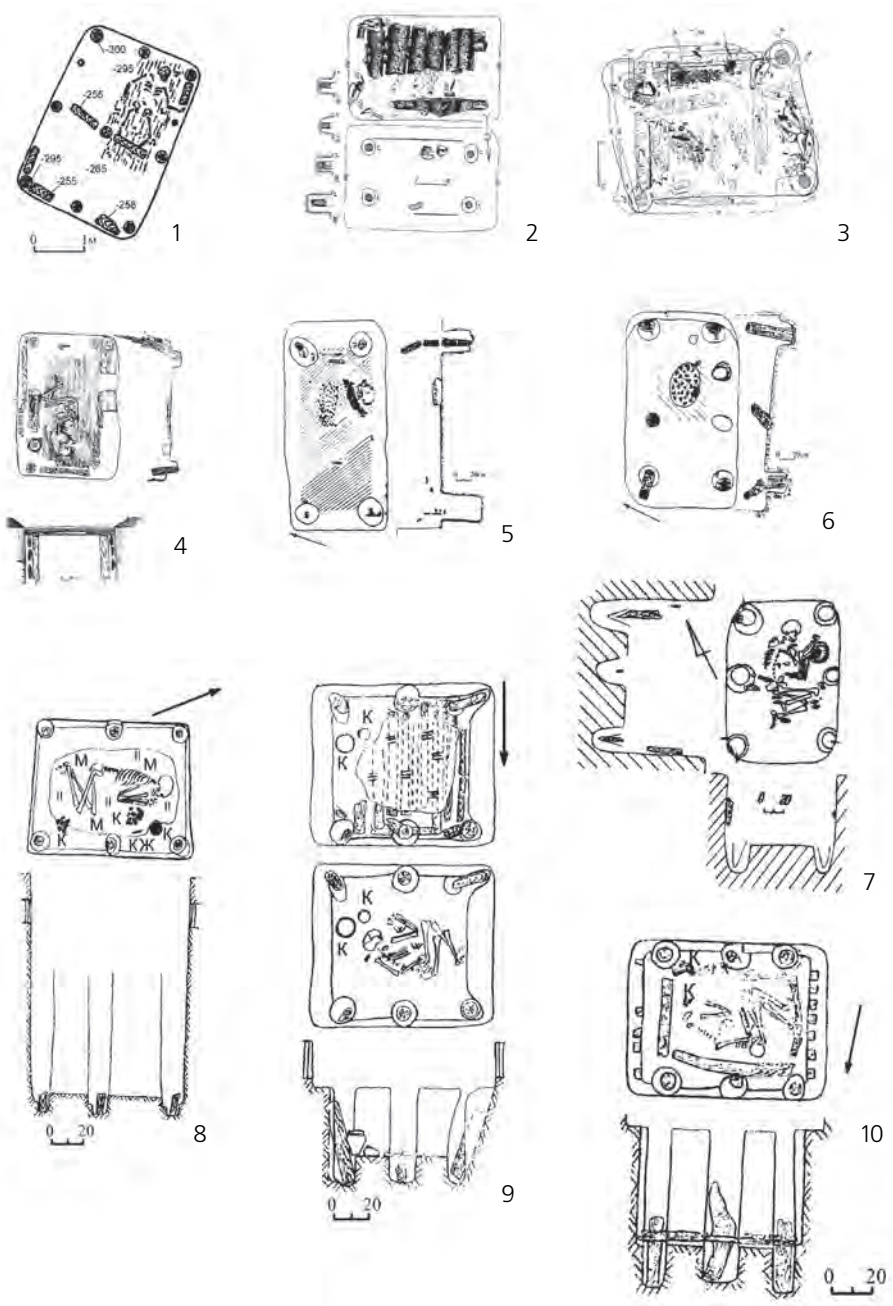

Рис. 4. Столбовые гробницы позднего бронзового века:

1 – Ширияевский могильник, к. 1, п. 3; 2 – Синташта II, п. 1; 3 – Синташта II, п. 7; 4 – Большая Белозерка, к. 2, п. 3; 5 – Заповитное, к. 15, п. 2; 6 – Михайловка, к. 5, п. 3; 7 – Таврия, к. 2, п. 1; 8 – Богдановка, к. 5, п. 8; 9 – Павловка, к. 1, п. 7; 10 – Павловка, к. 3, п. 5 [по: 27; 29; 31; 32; 33; 34]

Fig. 4. Pillar Tombs of the Late Bronze Age:

1 – Shiryayevskia mound, g.; 2 – Sintashta, g.; 3 – Sintashta, g.; 4 – B. Belozerka, t. 2, g. 3; 5 – Zapovitnoe, t. 15, g. 2; 6 – Mikhaylovka, t. 5, g. 3; 7 – Tavria, t. 2, g. 1; 8 – Bogdanovka, t. 5, g. 8; 9 – Pavlovka, t. 1, g. 7; 10 – Pavlovka, t. 3, g. 5. [after: 27; 29; 31; 32; 33; 34]

могильниках (рис. 5: 1–9) [36; 37, с. 50]. Выделяется Северо-Западное Причерноморье и Нижнее Поднепровье. Известно 34 погребения в 15 могильниках [38, с. 94]. Отсутствие дерева в ямках отличает данные комплексы от конструкций БМСК и предскифских памятников [37, с. 50].

Подводя промежуточный итог, можно говорить о возникновении специальных погребальных сооружений для части населения срубной и белозерской культуры. Традиция сооружения столбовых гробниц в начале позднего бронзового века возникает практически одновременно на территории от Южного Приуралья до Центральной Европы, скорее всего, конвергентно и является стадийным явлением.

В начале I тыс. до н. э. в ходе усиливающегося ухудшения климатических условий в Степи, белозерцы частично перемещаются на север в Лесостепь [39, с. 76–79; 40, с. 43]. Это могло привести к проникновению традиции сооружения погребальных сооружений с канавками вдоль стен и столбовыми конструкциями в Днепровское лесостепное Правобережье (*далее ДлП*).

Оставшаяся в степи часть белозерцев участвует в сложении черногоровской культуры [30, с. 193; 41, с. 276–277]. По подсчетам О. Р. Дубовской на 150 черногоровских погребений приходится одно захоронение в гробнице-срубе, а на 150 позднечерногоровских комплексов — 10 сооружений с использованием дерева. Не находит своего развития данная традиция в Степи и в более позднее время. Малое количество деревянных конструкций разнообразных типов, по мнению О. Р. Дубовской, связано с поиском новых форм погребальных сооружений и влиянием синхронных культур Лесостепи [42, с. 201–203]. О непрерывности использования ям с четырьмя столбами в Северо-Западном Причерноморье свидетельствует захоронение IX в. до н. э. у Слободзеи [41, с. 133]¹.

Во многом неясной является история традиции сооружения деревянных столбовых гробниц во второй половине X—IX в. до н. э., что обусловлено кардинальными изменениями в жизни степняков при переходе к номадизму. В этом отношении вызывает интерес мнение Н. А. Боковенко, который считает, что всаднические погребения Аржана связаны своим происхождением с трансформацией погребального обряда андроновской элиты («колесничих-вождей»), а сама традиция погребения всадников на уровне древнего горизонта состоит из двух этапов. Первый («скрытый») этап (конец X—IX вв. до н. э.) характеризуется началом использования коня в качестве верхового и формированием новых представлений о переходе в мир иной. Этот процесс сопровождался появлением погребений на древнем горизонте с конями и формированием «всаднического престижного комплекса». Второй (аржанский) этап (VIII — начало VII вв. до н. э.) характеризуется сложением раннескифского комплекса и элитарных традиций в погребальном обряде и других компонентах. И лишь на следующих этапах у кочевников появляется обряд захоронения в ямах [44, с. 43–44].

Механизм трансформации культур в Степи и Лесостепи в начале раннего железного века остается неясным. Практически полное отсутствие захоронений в деревянных столбовых гробницах на юге Восточной Европы в IX—VIII вв. до н. э., также как и их появление, является стадийным явлением. Данные процессы можно связывать с кризисом сообществ того времени, который привел к фактическому отсутствию элитарной прослойки. Слободзейское и балковские захоронения являются, скорее, исключениями, подтверждающими общую тенденцию. Прослойка богатых скотовладельцев, которые формировали военные дружины, выделилась позднее, во время начала, или в процессе походов на Древний Восток [41, с. 279]. Интересно, что черногоровские погребения воинов зафиксированы на окраинах ареала [45, с. 339].

¹ Следующим после слободзейского захоронения является погребение конца VIII — начало VII вв. до н. э. в яме, обшитой деревом с четырьмя опорными столбами и перекрытием у с. Березки в Молдове [43, с. 37–38].

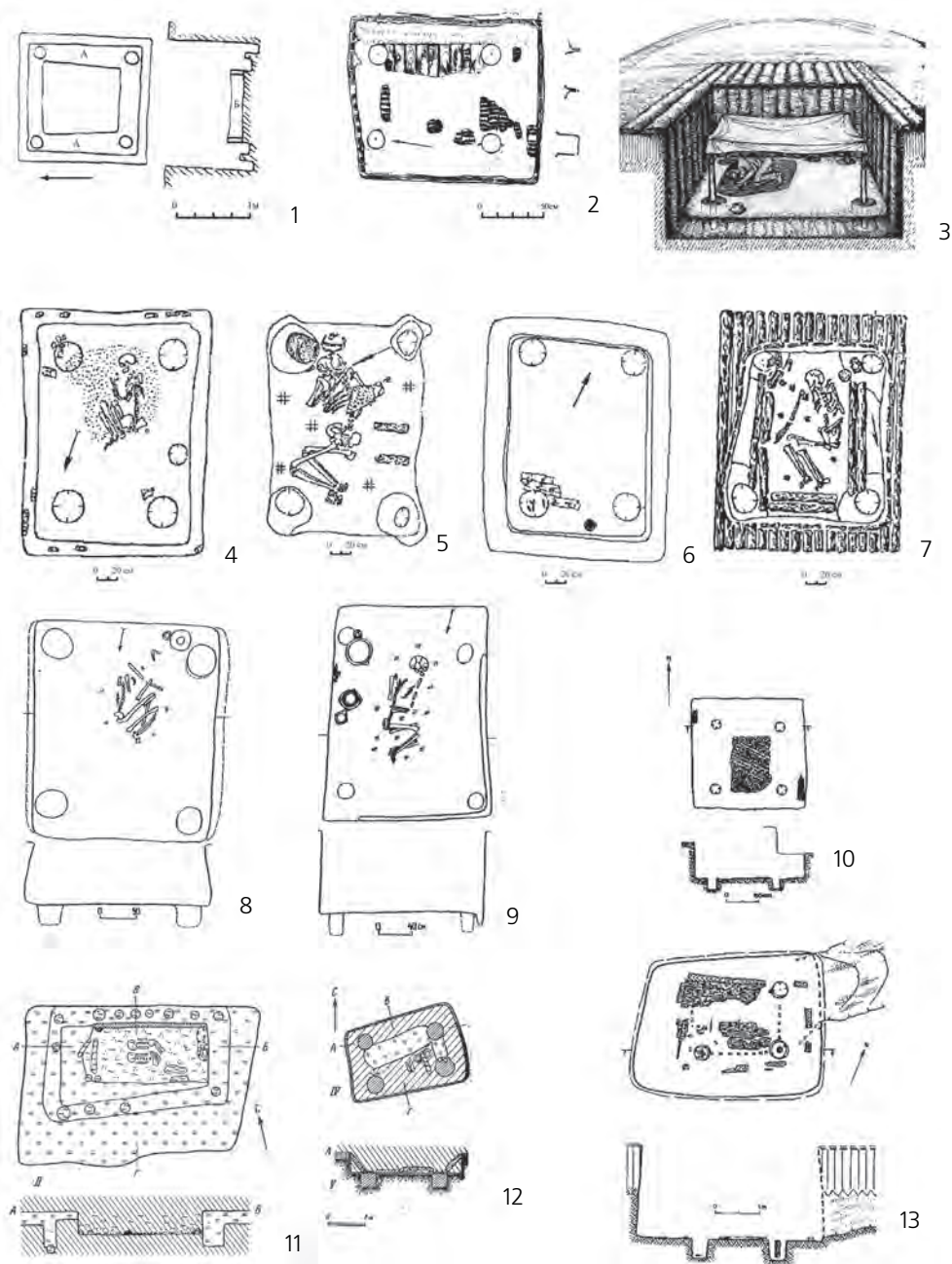

Рис. 5. Столбовые гробницы позднего бронзового века:

1 – Широкая могила (М. Лепетиha); 2 – Заповитное, к. 2, п. 1; 3–4 – Кочковатое, к. 42, п. 1; 5 – Кирнацень, к.1 п. 1; 6 – Кочковатое, к. 31, п. 1; 7 – Хаджилар, к. 1, п. 1; 8 – Казаклия, п. 14; 9 – Казаклия, п. 39; 10 – Гордеевка, к. 29; 11 – Иванья, к. II, п. 1; 12 – Иванья, к. II, п. 2–3; 13 – Гордеевка, к. 37 [по: 33; 36; 37; 38; 46; 47]

Fig. 5. Pillar Tombs of the Late Bronze Age:

1 – Wide Grave (M. Lepetiha); 2 – Zapovitnoe, t. 2, g. 1; 3–4 – Kochkovatoe, t. 42, g. 1; 5 – Kirnatsen, t.1, g. 1; 6 – Kochkovatoe, t. 31, g. 1; 7 – Hadzhilar, t. 1, g. 1; 8 – Kazakliya, g. 14; 9 – Kazakliya, g. 39; 10 – Gordeevka, t. 29; 11 – Ivaniya, t. II, g. 1; 12 – Ivaniya, t. II, g. 2–3; 13 – Gordeevka, t. 37 [after: 33; 36; 37; 38; 46; 47]

Можно предположить, что деревянные гробницы с богатым инвентарем появляются во второй половине VIII в. до н. э. и связаны с окончательным оформлением воинской (элитной) прослойки у номадов, которая организовывала или принимала участие в закавказских походах времени Саргона II.

Появление столбовых гробниц в Лесостепи

Первые столбовые конструкции в лесостепных могилах появляются в начале позднего бронзового века. Интерес вызывает Гордеевский могильник на Южном Буге, где синхронно со степью (около XV в. до н. э.) получают распространение захоронения в ямах со столбами (рис. 5: 10, 13). Этническая принадлежность оставившего его населения дискусионна [46, с. 85]. Несколько более ранние захоронения с остатками кремаций в аналогичных погребальных сооружениях известны в уникальных погребениях комаровской культуры в к. 2 у с. Иванья на Воляни (рис. 5: 11–12) [47, с. 159–168]. На близость последнего комплекса со степными указывает В. В. Отрощенко, связывая это с принадлежностью погребенных социальной верхушке [31]. В генезисе данных погребений Побужья и Воляни можно видеть влияние центрально-европейской курганной культуры, к которой В. И. Клочко относит Гордеевский могильник [46, с. 85]. В Центральной Европе было достаточно широко распространено создание «домов мертвых» столбовой конструкции [48, с. 121–143]. Данное направление культурных контактов, безусловно, стоит учитывать при изучении генезиса погребальных сооружений раннескифского времени Лесостепи.

В предскифское время традиция создания деревянных гробниц столбовой конструкции впервые появляется в ДлП. В данном регионе подкурганные захоронения в могилах столбовой конструкции IX — первой половины VIII в. до н. э. отсутствуют, что в целом соответствует «скрытому» этапу Н. А. Боковенко. На рубеже периодов Жаботин I и II (вторая половина VIII в. до н. э.), согласно периодизации М. Н. Дараган, появляются первые погребения в деревянных камерных гробницах. К ним исследовательница отнесла погребения всадников (Ольшана, Квитки и др.) [49, с. 554, 763]. Датировка данных погребений с инвентарем новочеркасского типа может быть откорректирована, поскольку керамика из Ольшаны и к. 8 у с. Яснозорье находит прямые аналогии в горизонте А2 Западного Бельска, что по хронологической шкале И. Б. Шрамко должно соответствовать времени не ранее последних десятилетий VIII — первой четверти VII вв. до н. э. [50, с. 41–42].

Появление в начале периода Жаботин II воинских всаднических погребений М. Н. Дараган связывает с трансформациями в жаботинском обществе, которые привели к росту социальной дифференциации и выделению воинской элиты [49, с. 761]. Стабилизация погребального обряда в ДлП происходит в постжаботинский период [49, с. 765]. Интересным мне кажется утверждение М. Н. Дараган, что «в рамках Жаботина мы, безусловно, фиксируем формирование полиэтнического культурного пространства». В этом процессе принимали участие представители западного и восточного миров [49, с. 769]. Можно предполагать, что представители кочевников составили основу элитной прослойки лесостепного скотоводческо-земледельческого объединения [12, с. 92].

Погребения предскифского времени ДлП были справедливо разделены на две разнотипные группы — местную, возникшую на чернолесской основе и «киммерийскую» (кавычки мои — Д. Г.). Интересно, что всаднические захоронения (Ольшана, Квитки, Константиновка к. 375, Носачев (?)) совершены в деревянных гробницах в насыпях курганов [51, с. 10–13, 80, 84–86]. Представления о конструкции данных могил нам дает комплекс из Ольшаны (рис. 6: 1). Гробница не имеет прямых аналогий в Северном Причерноморье ни в белозерских могильниках, ни в синхронных комплексах местного населения. Можно предположить, что данный тип погребального сооружения

(наземные столбовые гробницы) является привнесенным с востока в последней четверти VIII в. до н. э., поскольку прямые аналогии известны в Приаралье (рис. 6: 3–4) [52; 53]¹.

Начиная с раннескифского времени широко распространяются деревянные камерные гробницы с канавками и столбами в ямах (рис. 7) [54; 55; 56; 57]. Конструкция сооружений Лесостепи имеет близкие аналогии в белозерских памятниках финального бронзового века [38, с. 96]. Южная ориентировка умерших также находит свое продолжение в скифское время в рассматриваемом регионе. Это может говорить о том, что перемещение степного населения, носителей данной традиции, могло привести к ее распространению в междуречье Тясмина и Роси. При подобной реконструкции механизма возрождения данной белозерской традиции в Лесостепи восстановить не представляется возможным из-за во многом «загадочных» процессов IX — первой половины VIII вв. до н. э.

С другой стороны в Приаральских могильниках IX—VII вв. до н. э. массово представлены погребения в ямах с четырьмя столбами, канавками по периметру дна могилы (рис. 7), что не позволяет исключать данный вариант определения исходной территории импульса распространения данного типа погребальных сооружений. Учитывая хронологическую близость и сходный набор инвентаря, данная версия выглядит предпочтительнее.

Стоит отметить, что вполне реальным мне представляется и возможность взаимодействия северопричерноморской (белозерской) и приаральской традиций, что позволяет присоединиться к мнению ведущих специалистов (С. А. Скорый, С. С. Бессонова, В. С. Ольховский, В. Ю. Мурзин).

В последнее время на восточные черты погребального обряда среди комплексов от Нижнего Дона до Предкавказья указывают исследователи [57, с. 50–51]. В Прикубанье традиция совершения подкурганых деревянных гробниц столбовой конструкции не имеет местных корней [58, с. 62–63]. Первые подобные сооружения в данном регионе появляются в новочеркасских комплексах с остатками колесниц (рис. 6: 2). Интересно, что и в Лесостепи сходные конструкции распространяются в аналогичных погребальных памятниках, связанных с Северным Кавказом многими чертами.

В. Г. Петренко выделила две погребальные традиции в могильниках раннескифского времени Предкавказья — местную, связанную с белозерско-новочеркасскими традициями, и восточную (центральноазиатскую) [57, с. 50–51]. Перспективным мне представляется поиск аналогий погребальным сооружениям Прикубанья среди сакских погребений Приаралья [52; 52], которые на сегодня уже не считаются моложе причерноморских [39, с. 115–126]. Т. В. Рябова также отмечает близость погребальной традиции населения раннескифского времени междуречья Дона и Кубани с погребениями Приаралья [59, с. 20].

Скорее всего, сходные тенденции в этнокультурных процессах имели место и в Северном Причерноморье (рис. 7). Здесь также взаимодействовал местный субстрат белозерского происхождения с восточным (центральноказахстанским) суперстратом. В Предкавказье в формировании погребальных традиций кочевой элиты раннескифского времени принимали участие протомеотские племена [60, с. 320–323]. В Лесостепи активное влияние оказывали культурные импульсы из Центральной Европы. Можно говорить о том, что новые кочевники вливались в уже существующую иранскую или иранизированную среду Лесостепи и Степи и, скорее всего, численно ей уступали. Это близко мнению В. Ю. Мурзина о киммерийском вкладе в скифскую культуру и С. А. Скорого о постепенной иранизации Лесостепи, начиная с позднего бронзового века [7; 9].

Стоит вспомнить мнение С. С. Бессоновой, что тип погребального сооружения относится к числу наименее надежных этнодифференцирующих признаков [9, с. 26].

¹ Традиция могла быть привнесена частью киммерийцев времен Саргона II, которые могли проникать на Древний Восток в обход Каспия с юга.

Зачастую он мог отражать в большей степени социальный статус покойника или специфические условия его жизни и смерти. Показательным примером этого может быть существование у греков традиции сооружения могильных ям для кремации с четырьмя угловыми ямками в геометрический [61, с. 690–691] и архаический периоды [62, с. 53–55]. Сожжение покойных происходило непосредственно в данных ямах, а ямки связываются со стремлением улучшить доступ воздуха к погребальному костру. Аналогичные сооружения, но не для кремации, распространяются с IV в. до н. э. у греков Северного Причерноморья. Исследователи считают, что ямки могли служить для установки ножек гробов или лож-клине [63, с. 48–49]. Здесь мы имеем дело с конвергентным появлением определенных конструкций, которые обусловлены функциональной необходимостью и универсальностью строительных приемов.

Таким образом, в эпоху позднего бронзового века у родственного ираноязычного населения в виду близости мировоззрения и сходных социально-экономических процессов, скорее всего, конвергентно возникла традиция совершать элитные захоронения в специальных гробницах. Учитывая единичные погребения предскифского времени в ямах с угловыми столбами, можно предположить, что данная традиция в Северном Причерноморье не прерывалась¹. Как одну из версий можно рассматривать то, что обычай сооружения столбовых гробниц в ямах в Лесостепи имеет северопричерноморское происхождение и связан с оттоком белозерского населения на север. При этом, учитывая хронологический разрыв, нельзя исключать конвергентного появления деревянных столбовых гробниц в VII в. до н. э., либо привнесение их с востока вместе с комплексом материальной культуры. Последнее предположение кажется более перспективным, что согласуется с концепцией А. И. Тереножкина [64], которая не потеряла своей актуальности и по сей день. Данная традиция сохраняется на протяжении всего скифского времени и распространяется из ДлП на Левобережье и далее на восток.

О семантике деревянных гробниц

В языческом миропонимании значительное, если не центральное место занимает идея жизненного круговорота, который обеспечивается перемещением душ между мирами, которых зачастую три. С эпохи ранней бронзы происходит сакрализация дороги на тот свет, которая происходит вместе с развитием колесного транспорта [35, с. 8]. Существенным представляется, что ни одна из душ человека не остается жить в могиле надолго² [65, с. 93, 96]. Это позволяет считать могилу не только «домом мертвых», то есть местом, где их душа постоянно пребывает. Инвентарь погребения в значительной степени служит дорожными запасами покойнику по дороге в мир иной. Этот путь часто облегчали положением в могилу или возле нее поломанных транспортных средств и убитых тягловых животных. Все это позволяет предполагать, что, в какой-то мере, конструкция могилы и все в нее положенное предназначалось для обеспечения достижения умершим загробного мира в установленный срок.

Связь с домостроительством хоть и прослеживается, но ясности в этом вопросе мало. Важным уточнением может быть то, что для подвижных скотоводов жилищем была часто повозка. Можно предположить, что часть камерных гробниц в ямах или на горизонте символизировала иногда не жилище полужемлянку, а транспортное средство, которое должно было доставить умершего в мир иной.

В эпоху ранней и средней бронзы у степных скотоводов распространяется обычай отправления части покойных в мир иной на повозках и других транспортных средствах (рис. 1: 4–6; 2: 4, 8) [14; 15]. Среди погребений БМСК привлекает внимание п. 3 к. 2

¹ Нельзя исключать ее разрыв, который бы приходился на VIII в. до н. э.

² Срок пребывания души-тени в могиле определяется по-разному — 40 дней, до разложения тела и др., но не более.

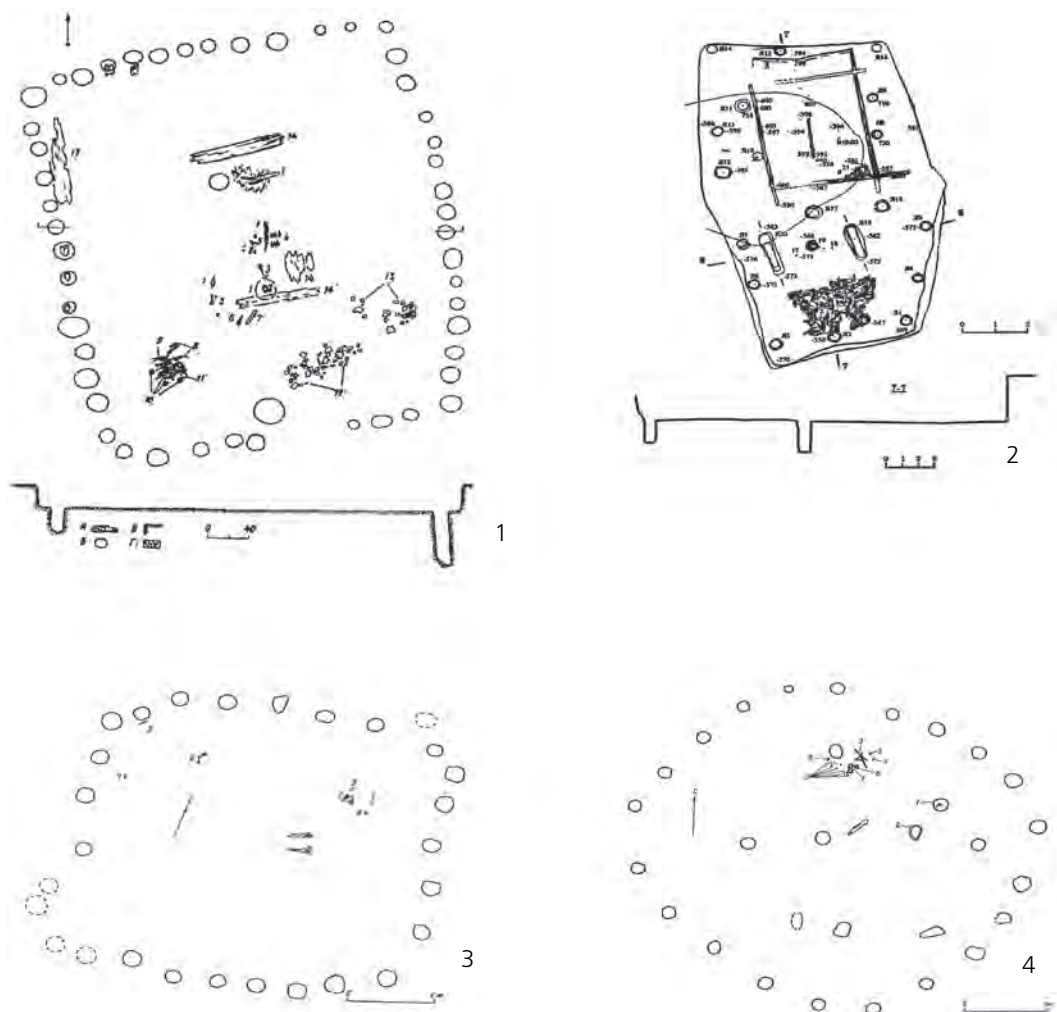

Рис. 6. Наземные столбовые гробницы VIII–VII вв. до н. э.:

1 – Ольшана; 2 – Уашхиту I, к. 1; 3 – Уйгарак, к. 41; 4 – Уйгарак, к. 51 [по: 51; 52; 58]

Fig. 6. Pillar-ground tombs of the VIII–VII centuries BC:

1 – Olshana; 2 – Uashhitu I, t. 1; 3 – Uygarak, t. 41; 4 – Uygarak, t. 51 [after: 51, 52, 58]

у с. Ивановка на Днепропетровщине (рис. 8: 1), где при сооружении деревянной гробницы была использована половина колеса, а сам склеп имитировал повозку [66, с. 31–35]. Скорее всего, конструкция п. 3 к. 2 у с. Холмское Одесской области также представляла собой погребальную повозку (рис. 8: 2) [67, с. 67–68, рис. 5, 7, 9–11].

Важно отметить, что по углам или по периметру кузова имелись отверстия для фиксации вертикальных стоек (рис. 8: 3–6) [68, с. 239–242]. Подобные отверстия в раме и могут имитировать столбы в дне могилы. Интересно, что в ямных погребениях колеса клали у четырех углов. Нельзя исключать того, что позднее четыре ямки, часто без следов дерева, могли имитировать колеса. В концепции индоевропейцев колесо символизировало движение, путь, в том числе и жизненный. По их представлениям после смерти душа отправлялась в последнее путешествие из земной сферы в солнечную, а транспортное средство ускоряло данный процесс. Поэтому повозка или ее колесо

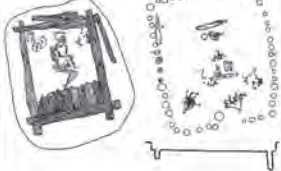
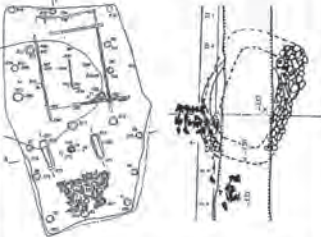
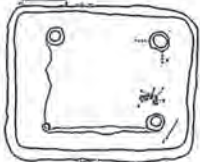

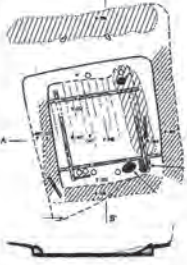

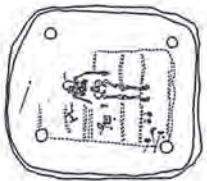
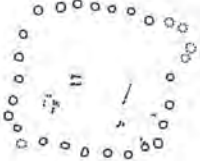

	Северное Причерноморье (Степь и Лесостепь)	Прикубанье и Предкавказье	Приаралье
Финальная бронза			
Предскифское время			
Раннескифское время	 	 	

Рис. 7. Погребальные сооружения эпохи финальной бронзы – раннескифского времени Северного Причерноморья, Прикубанья, Предкавказья и Приаралья [по: 3; 4; 38; 41; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58]

Fig. 7. Burial structures of the final bronze age – Early Scythian time of the Northern Black Sea, the Kuban, Caucasus and the Aral Sea [after: 3; 4; 38; 41; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58]

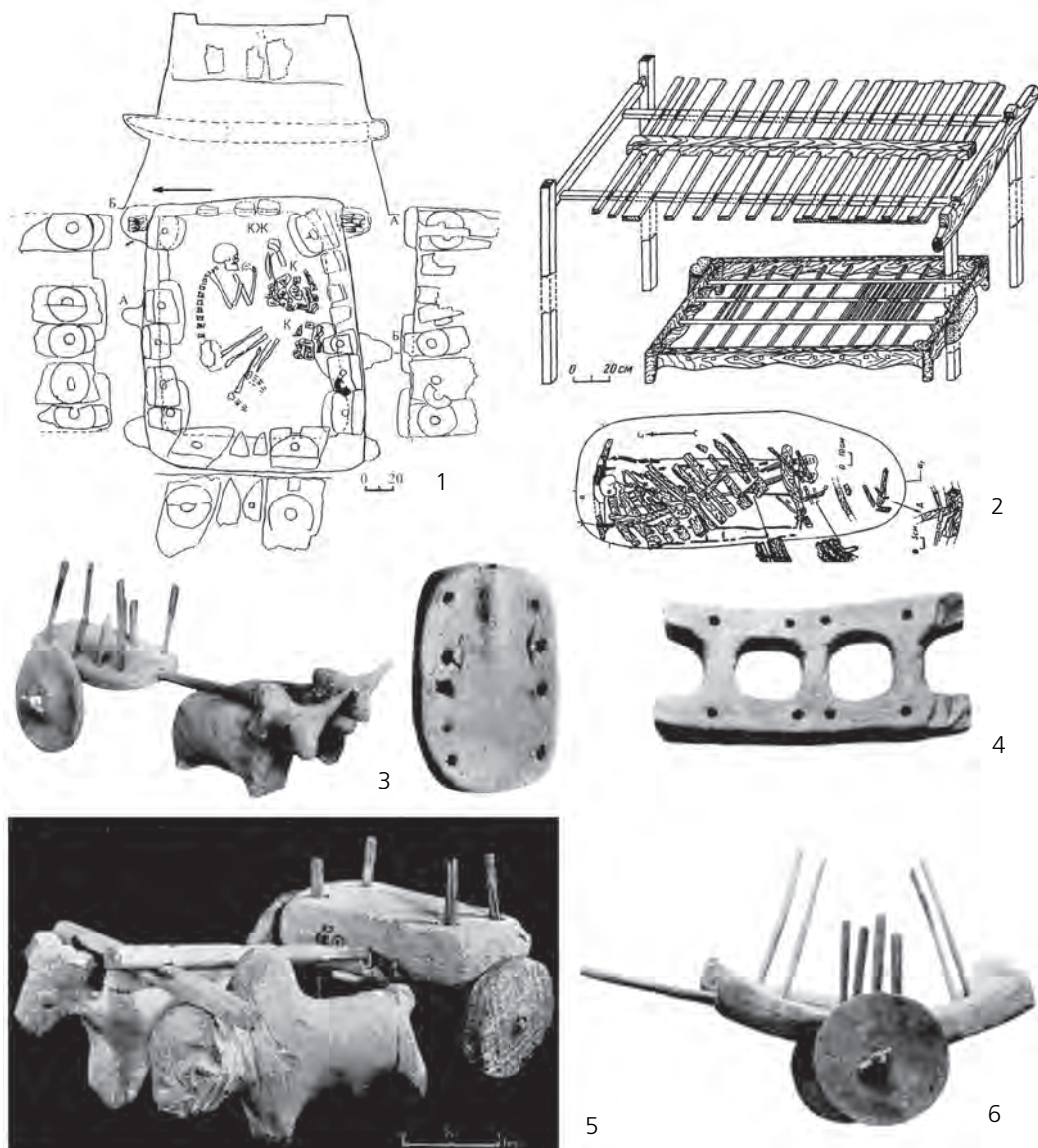

Рис. 8. Повозки в погребениях и их глянцные модели [по: 66; 67; 68]

Fig. 8. Wagons in the burials and their clay models [after: 66, 67, 68]

связаны с заупокойным культом и являются символом движения солнца и времени и средством перемещения в мир иной. Часто по принципу *pars pro toto* в могилу клали лишь часть повозки (колесо) либо часть запряжного животного. Обряд сильно отличался в зависимости от социального статуса умершего [69, с. 84–85].

С. С. Бессонова находит весомые основания полагать, что путешествие в мир иной могло быть не одинаковым для мужчин и женщин. Первые ехали верхом, а представительницы слабого пола, как и в жизни, — в повозках [70, с. 115]. Этого исключать нельзя, но, например, разнополые состоятельные ямники ехали на тот свет в повозках, а в погребениях привилегированных женщин Уйгарака найдены детали конской узда [51, с. 66].

В. В. Отрощенко справедливо предполагает, что для рядовых общинников путь на тот свет был не поездкой, а пешей прогулкой [35, с. 9]. Поэтому я абсолютно не исключаю, а даже скорее предполагаю, что деревянные конструкции в могилах земледельцев могли символизировать временное жилище и были местом достойного пребывания останков умершего. Для рядовых общинников можно говорить о том, что могила являлась вместилищем останков умерших, согласно ритуалу, связанному с культом мертвых и их почитанием, который предполагал их сохранение. Собственно деревянные гробницы («дома мертвых»), судя по сюжетам народных сказок, могли представлять собой окно, портал в мир мертвых. После перехода в потусторонний мир умерший и начинал последнее путешествие, используя положенные родичами в могилу вещи.

Создание деревянных конструкций в могиле (настил, обшивка стен, перекрытие и др.) можно связывать и со стремлением изолировать тело усопшего от земли, что согласуется с представлениями ираноязычных племен, которые старались не допускать осквернения земли контактом с мертвым телом [11, с. 98].

Итак, не все деревянные гробницы стоит считать имитациями транспортных средств для доставки души умершего на тот свет. Создание камерных конструкций в могилах было отражением целого спектра воззрений древних сообществ на переход души между мирами, почитанием останков усопших и культом предков в целом.

* **

Таким образом, в начале позднего бронзового века у ираноязычного населения Евразии, скорее всего, конвергентно возникла традиция совершать элитные захоронения в специальных гробницах. Ее развитие в конце предскифского и начале раннескифского времени в Степи и Лесостепи Северного Причерноморья происходило в результате взаимодействия местных белозерских с восточными (центральноказахстанскими) элементами при активном влиянии культурных импульсов из Центральной Европы.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, эпоха бронзы — ранний железный век, столбовые гробницы, ираноязычные кочевники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спицын А. А.* Курганы скифов пахарей // ИАК. — 1918. — Вып. 65.
2. *Ростовцев М. М.* Скифия и Боспор. — Л., 1925.
3. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975.
4. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983.
5. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. — 1978. — № 4.
6. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991.
7. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984.
8. *Бессонова С. С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкций идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990.
9. *Скорый С. А.* Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. — 1987. — № 60.
10. *Скорый С. А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003.
11. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999.
12. *Скорый С. А.* Курган Перепятиха. — К. 1990.

13. Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. — М., 2001.
14. Избищев Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III—II тыс. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб, 1993.
15. Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. — К., 2005.
16. Патокова Э. Ф. Усатовский курган 1–12 // Краткие сообщения о полевых археологич. исследованиях Одесского гос. археол. музея. — Одесса, 1964.
17. Николова А. В. К вопросу о культурной атрибуции погребений ранней бронзы с остатками транспортных средств в Северном Причерноморье // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2006. — Вып. 12.
18. Ковалева И. Ф. Новоалександровский энеолитический курган в Днепропетровском Надпорожье // ДСПК. — Запорожье, 1991. — Вып. II.
19. Тоцев Г. Н., Самар В. А. Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине // ДСПК. — Запорожье, 1990. — Вып. I.
20. Дворянинов С. А., Дзиговский А. Н., Субботин А. В. Раскопки курганной группы у с. Вишенное // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 1985.
21. Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989.
22. Ляшко С. Н., Отрощенко В. В. Балковский курган // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988.
23. Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тоцев Г. Н. Курганные древности. Крыма. 1. — Запорожье, 1994.
24. Крилова А. П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964/1966 рр. // Наш край. — Дніпропетровськ, 1971.
25. Ковалева И. Ф. О новом типе деревянных катакомбных повозок // Проблемы археологии Поднiпров'я. — Дніпропетровськ, 1999. — Вып. 2.
26. Литвиненко Р. О. Про «зруби» культури багатоваликової кераміки // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. — К.; Воронеж, 2001.
27. Погорелов В. И. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. — 1985. — № 1.
28. Отрощенко В. В. Чотирикамерні склепи синташтинської доби // Археологія. — 1997. — № 3.
29. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск, 1992.
30. Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001.
31. Отрощенко В. В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. — К., 1976.
32. Салий Н. Г. Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной (по материалам Запорожской экспедиции) // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987.
33. Отрощенко В. В. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников // НА ИА НАНУ. — Ф. 12. — Оп. 2. — Ед. хр. 79598.
34. Марина З. П., Ромашко В. А., Феценко Е. А. Курганы эпохи бронзы у села Павловка // Археологические памятники Поднепровья. — Днепропетровск, 1988.
35. Отрощенко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990.

36. *Ванчугов В. П.* Заключительный период бронзового века в Северо-Западном Причерноморье (белозерская культура) // НА ИА НАНУ. — Ф. 12. — Оп.2. — Ед. хр. 79649.
37. *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1990.
38. *Ванчугов В. П.* Деревянные гробницы белозерской культуры // Краткие сообщения Одесского археологического общества. — Одесса, 2008.
39. *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.). — Кишинев, 2005.
40. *Ефимова С. Г.* Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000.
41. *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005.
42. *Дубовская О. Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений степного Причерноморья // АА. — Донецк, 1997. — Вып. 6.
43. *Лапушнян В. А.* Киммерийский кинжал из с.Березки в Молдавии // Скифы и сарматы. — К., 1977.
44. *Боковенко Н. А.* Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. — СПб., 1994.
45. *Дараган М. Н., Подобед В. А.* Жаботинский горизонт и черноговорская культура: хронологические соотношения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб., 2012. — Т. 2.
46. *Гордіївський* могильник. — Вінниця, 2011.
47. *Сवेशников И. К.* Богатые погребения комаровской культуры у с.Иванья Ровенской области // СА. — 1968. — № 2.
48. *Vatora J.* Štúdie ku komunikácii medzi Strednou a Východnou Euróпой v dobe bronzovej. — Bratislava, 2006.
49. *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепроградской Правобережной Лесостепи. — К., 2011.
50. *Шрамко І. Б.* Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округу. — К., 2006.
51. *Скорый С. А.* Киммерийцы в Украинской Лесостепи. — К.; Полтава, 1999.
52. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. // ТХЭ. — М., 1973. — Т. VIII.
53. *Яблонский А. Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). — М., 1996.
54. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968.
55. *Галанина А. К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997.
56. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии (2). — Нальчик, 1985.
57. *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. — М.; Берлин; Бордо, 2006.
58. *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. — М., 2007
59. *Рябкова Т. В.* Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2003.
60. *Эрлих В. Р.* К дискуссии о скифах на Кубани // Четвертая кубанская археологическая конференция. — Краснодар, 2005.
61. *Mariaud O.* The geometric graves of Colophon and the burial customs of early iron age Ionia // The “dark ages” revisited. — Vol. 1. — Volos, 2011.
62. *Kinch K. F.* Fouilles de Vrolia (Rhodes). — Berlin, 1914.

63. *Кутайсов В. А.* Курганный некрополь Калос Лимена. — К., 2011.
64. *Тереножкин А. И.* Скифская культура // ПСА. — М., 1971.
65. *Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания. — М., 2003.
66. *Антоненко Б. А., Васильченко С. А., Пиоро И. С., Самойленко А. Г.* О результатах работы Ивановской археологической экспедиции // Некоторые вопросы археологии Украины. — К., 1977.
67. *Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В.* Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986
68. *Щетенко А.Я.* Колесницы и повозки Древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. — Луганск, 2008.
69. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4.
70. *Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии. — К., 1982.

Резюме

Гречко Д. С. Про походження стовпових гробниць Лісостепу скіфського часу

Стаття присвячена вивченню традиції спорудження дерев'яних стовпових гробниць Північного Причорномор'я доби бронзи — початку раннього залізного віку. Робиться висновок про її конвергентну появу за доби пізнього бронзового віку у іраномовного населення Євразії. Її розвиток у перед- і ранньоскіфський час в Степу та Лісостепу Північного Причорномор'я відбувався у результаті взаємодії місцевих белозерських та східних (центральноказахстанських) елементів. На цей процес впливали культурні імпульси з Центральної Європи.

Ключові слова: Північне Причорномор'я, доба бронзи — ранній залізний вік, стовпові гробниці, іраномовні кочовики.

Summary

D. Grechko. To the Question About Pillar Tombs of Forest-Steppe of the Scythian Times

The article is dedicated to the investigation of the tradition associated with the building of wooden pillar tombs in the North Black Sea region of the Bronze Age — the beginning of the early Iron Age. The results indicated that this tradition resembles the one that appeared among Iranian-speaking population in the late Bronze Age. The development of the tradition on the territory of the steppe and forest-steppe of the North Black Sea region in the pre- and early Scythian times resulted from the interaction of the local Belozersky and eastern (peculiar for central Kazakhstan) elements. The cultural impulses from Central Europe had a particular impact on this process.

Key words: the North Black Sea region, the Bronze Age — the early Iron Age, pillar tombs, the Iranian-speaking nomads.

